

с корабля современности ни Шекспира, ни его героев было невозможно. Зато можно было подвергнуть их санитарной обработке, что и было сделано в высшей степени качественно великим советским переводчиком С. Я. Маршаком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сборник статей. – М.: Прогресс, 1975. – С. 37–113.
3. Шекспир В. Сонеты // <http://shakespeare.ouc.ru/sonnet-ru.html>.

УДК 821.161.1.09+929Пушкин

Ю. М. Никишов

ПУШКИН: ИЗОБРАЖЕНИЕ НЕЯВЛЕННОГО

Одно из многих художественных открытий А. С. Пушкина – умение обозначить потенциал личности героя, после чего становится необязательным реальная прорисовка этих качеств. Примеры почерпнуты из романа «Евгений Онегин».

Ключевые слова: Пушкин, Онегин, декабристы, поэтика образов.

В «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкин включает размышление, которое чем необычнее, тем интереснее: *«Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавшей ни одною егерской ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в “Московском телеграфе”». Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос»* [2: VI, 451–452]. Скажем так, что поэт выдвигает очень трудную проблему. Возникают вопросы. Оставляет ли поэт весьма нелёгкую задачу на перспективу новым поколениям художников или опирается на свой уже достигнутый опыт? Как угадать непроявленные способности человека? И это тогда, когда и явленные способности далеко не всегда находят признание! Но таков максималистский принцип поэта, яркое проявление его гуманизма.

Для А. С. Пушкина и необычное предстаёт закономерным. Здесь можно видеть закрепление перехода от юношеского романтического историзма (с интересом только к признанным историческим личностям) к реалистическому историзму, с определением общественного потенциала любого человека. В «Путешествии» Пушкин доводит эту позицию до предельного заострения, призывая оценивать даже нереализованный потенциал личности.

А сам поэт уже продемонстрировал и художественный образец решения подобной проблемы, когда, расставаясь с погибшим Ленским, начертил два варианта гипотетической судьбы героя, включая «героический» и

«обыкновенный» вариант. Теперь такой подход возводится в принцип. К слову, в черновике «героический» вариант был прописан конкретнее:

Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев [2: V, 452].

Тут даже и имя Наполеона задействовано.

Попутный вопрос: а Пушкину – всё равно, какой выбор сделает читатель? А у него самого есть свой выбор?

Потянем за тоненькую ниточку... Строфа с героическим вариантом судьбы Ленского трижды включает выражение «быть может». Контрастная строфа начинается: «*А может быть и то...*» [2: V, 116–117]. По смыслу, по модальности оба выражения совершенно одинаковы, но в первом случае фраза – вводные слова, т.е. не член предложения. Во втором случае фраза переводится в сказуемое, т.е. в *главный* член предложения: по смыслу – то же самое, но по форме – много крепче. Не подсказка ли это о выборе художника?

Заглавный герой романа в стихах остаётся жить, его судьба предполагает продолжение: каково оно? Ответ не означает попытку дописывания романа за А. С. Пушкина, но представление о гипотетической судьбе героя позволяет в новом свете увидеть изображённое в тексте, более чётко расставить акценты, разглядеть, за что и ратует поэт, ещё не проявленные потенциальные возможности героя.

В будущее Онегина пытался заглянуть ещё В. Г. Белинский: «Что стало с Онегиным потом? Воскресила ли его страсть для нового, более сообразного с человеческим достоинством страдания? Или убила она все силы души его, и безотрадная тоска его обратилась в мёртвую, холодную апатию?» [1: 469] Это замечательно точная постановка проблемы, но есть возможность заменить подцензурные намёки критика прямой характеристикой, а также задействовать понятие, появившееся позже: «воскресший» духовно Онегин – это декабрист, убитый безотрадной тоской Онегин – «лишний человек». В. Г. Белинский внешне отказался отвечать на свои вопросы, но фактически сделал вполне внятный выбор: «Не знаем, да и на что нам знать это, когда мы знаем, что силы этой богатой природы остались без приложения, жизнь без смысла, а роман без конца? Довольно и этого знать, чтоб не захотелось больше ничего знать...» [1: 469].

Мнение великого критика очень убедительно. Однако целесообразно рассмотреть и возможность другой альтернативы.

Чтобы стать декабристом, нужно было иметь многое, а, по крайней мере – определённые политические убеждения, деятельную силу характера, осознанность цели. Имелось ли всё это в Онегине?

На первую часть вопроса ответим утвердительно. Даже несмотря на скептицизм Онегина, налицо близость его к либеральным политическим идеям своего времени. Было бы слишком опрометчиво смотреть на Онегина как на определившегося декабриста по убеждениям, но, вместе с тем, в

романе нет ничего, что в идейном отношении непримиримо разделяло бы Онегина и декабристов; потенциально он мог сблизиться с ними.

Сложнее ответить на вторую часть вопроса. Очень уж он русский барин, Онегин: «...Труд упорный // Ему был тошен...» [2: V, 23]. Он может зевать целый день, испытывая от этого некоторые неудобства, но не испытывая страданий. Есть у него и такая психологическая особенность: «необузданные страсти» сжигают его изнутри, внешне Онегин малоактивен. От апатичного и вялого Онегина трудно ждать решительных действий.

И всё-таки дальнейшая судьба Онегина представляется не безусловной, а именно обусловленной. Перед конечными точками есть ещё промежуточные, и от выбора промежуточных зависит тот или иной результат. Путь обновления характера тем более не заказан Онегину, что и на страницах романа мы видим героя весьма жизнедеятельным. Даже в светской жизни герой стремителен, хотя эта стремительность и автоматизирована: «К Talon помчался» [2: V, 13], «Онегин полетел к театру» [2: V, 14], сравнительно медленно «домой одеться едет он» [2: V, 16], зато на бал снова скачет «стремглав в ямской карете» [2: V, 17]; Онегин стремителен не только с помощью извозчиков: «Швейцара мимо он стрелой // Взлетел по мраморным ступеням...» [2: V, 18]; наконец, вяло, полусонный «в постелю с бала едет он» [2: V, 21]. Но как оживает, наполняется энергией поведение Онегина, когда он обретает цель! Каким разным показан Онегин в пределах одной строфы:

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дожждётся дню конца.
Но десять бьёт; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине входит;
Татьяну он одну находит,
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва, едва
Ей отвечает. Голова
Его полна упрямой думой [2: V, 150–151].

Состояние Онегина здесь великолепно передано самим ритмическим движением строфы. Замедленное первое двустопишие. Затем стремительность; энергия подчёркнута лаконизмом фраз: только повторяющееся местоимение-подлежащее – и глагол действия (потом даже и с пропуском его): он выезжает – он полетел – он у крыльца. Потом снова с замедлением: «Он с трепетом к княгине входит...» И – резкий слом ритма. Обилие переносов затрудняет речь и гармонирует с драматизмом содержания строфы. Этот угрюмый и неловкий Онегин разительно отличается от гения в науке страсти нежной. А с каким упорством, темпераментом, страстью он преследует Татьяну! Вот строки из строфы белой рукописи, опущенной в печатном тексте: «За ней он гонится, как тень // Куда его девалась лень»

[3: 631]. Поведение Онегина весьма различно в зависимости от того, видит ли он перед собой цель или она отсутствует.

Есть необходимость различать темперамент, натуру – и состояние Онегина, настроение, увлечённость. Приступая к изображению последнего испытания героя, поэт ставит вопрос: «*Что шевельнулось в глубине // Души холодной и ленивой?*» [2: V, 150]. Что и говорить, замечание важное: душа Онегина – «холодная и ленивая»! Но в ней может что-то «шевелинуться» – и герой становится иным! Взлёты и падения в судьбе Онегина связаны прежде всего с внешними обстоятельствами и вызваны ими, но они необходимо опираются на психологические особенности личности. Деятельность и праздность одинаково свойственны Онегину. Но первое функционально, а второе фундаментально. Из этого – не в пользу героя – соотношения можно вывести некоторое следствие. Онегин психологически близок к типу «лишних людей». Диапазон его личности, вбирающий резко противостоящие крайности, весьма широк. Противоречия натуры Онегина чреваты драматическим результатом: Онегин обрекает себя на пассивность в тот момент, когда обстоятельства требуют действия.

Видимо, условие – обретёт ли Онегин цель высокую, гражданскую или она окажется недостижимой для него – и станет решающим на итоговом этапе духовной эволюции героя. Но этот важнейший вопрос навсегда оставлен открытым. Утвердительный ответ не исключается, но не гарантируется. Что из того? Сама возможность поставить данный вопрос – задача увлекательная, рождающая чувство признательности поэту за его великолепное понимание души человеческой и умение лёгким штрихом обозначить «бездну пространства» этой души.

Путешествие Онегина чаще всего трактовалось как плодотворное для героя: здесь усматривали основу его духовного возрождения. Такое мнение ошибочно. Эпизоды путешествия в судьбе Онегина симметричны эпизодам его петербургского затворничества; разница между ними существенная: скука и хандра перерастают здесь в глубокую, всепроникающую тоску, слово «тоска» – лейтмотив состояния Онегина на всём протяжении сохранившихся от первоначальной восьмой главы строф.

Хандра героя первой главы и тоска отрывков из путешествия одинаково сменяют периоды удовлетворённо прожитой жизни. Потому и не равна поздняя тоска ранней хандре, что она знаменует разочарование в более высоких жизненных ценностях. Сверх того, тоска обостряется чувством неправимой вины за невольно совершённое преступление – убийство друга.

Таков Онегин и в единственной подробно передающей его состояние строфе: во внутреннем монологе Онегина даже заметна нотка ревности; видимые всем и вызывающие сочувствие страдания ранения, или старости, или паралича, или хотя бы ревматизма уступают его «непризнанным мученьям», хотя он молод и внешне здоров. Нет оснований видеть героя прозревшим к знанию народной жизни: Онегин слишком замкнут в собственных страданиях, чтобы обращать внимание, кроме ревнивого, на чужие.

Совсем недавно Онегин обрёл, казалось бы, устойчивую жизненную позицию: «вольность и покой» заменой счастью. Но убийство друга лишило его покоя, и вольность превратилась в идейно-эмоциональную противоположность, стала «постылой свободой».

Таково психологическое состояние героя периода его путешествия. Но это – лишь одна грань его жизни. Вполне определённо прорисовывается общественная позиция Онегина: она такая же пассивная, как пассивно его психологическое состояние.

Маршрут путешествия Онегина, особенно в его начале, пролегает по исторически активным точкам пространства России: Великий Новгород, символ вольнолюбия, Москва, не склонившая гордой головы перед грозным завоевателем, Нижний Новгород, поднимавший народное ополчение во спасение Отечества, разинские Волга и Астрахань. Современные картины этих знаменитых мест подаются с контрастным эмоциональным знаком. Великий Новгород: мятежный колокол утих. Москва, развенчавшая Наполеона: прения о кашах и сплетни. Нижний Новгород, вотчина Минина: меркантильный дух. Волга: Разин жив в песнях бурлаков, да поют-то про удалого атамана рабы, запряжённые в бечеву, поют «унылым голосом». В разинской Астрахани Онегин пытается углубиться «в воспоминанья прошлых дней» [2: V, 469], но... атакован совсем иной ватагой – тучей нахальных комаров и спасается бегством. Итак, все картины эмоционально однозначны.

В том-то и дело, что патриотические чувства отнюдь не укрепляются в Онегине во время путешествия, как раз наоборот! Герой сам отрешается или пытается отрешиться от спячки: «Проснулся раз он патриотом...» (!) [2: V, 466]. Желание увидеть «святую Русь» и повело его в дорогу. И посмотрелся же! Порыв героя не только не подкрепляется, но буквально парализуется общественной пассивностью. Онегин надломлен изнутри, психологически, но обстоятельства, в которые он попадает, не исцеляют, но усугубляют его душевный дискомфорт. Познавательное значение путешествия огромно: герой имеет возможность заключить, что жизнь в исторически активных местах России переменилась – и к худшему: на местах былого величия торжествуяще разрастается пошлость.

На календаре героев ещё преддекабрьское время, но Пушкин дорисовывает Онегина уже в конце 1820-х гг. Задним числом Пушкин резче ставит акценты, показывая общественное равнодушие как косность, противостоящую энтузиазму горстки благородных людей, вознамерившихся преобразовать Россию. Но это не анахронизм; совсем ни к чему ломать онегинский календарь, чтобы увидеть в герое тип, более чётко проявленный после 14 декабря.

Пушкин мудро разглядел противоречия своей, только что оставленной позади эпохи. Его неоценимый мировоззренческий урок состоит в том, что любой, без исключения, момент исторического развития, взятый на выбор, нельзя красить одним цветом. В любой момент идёт борьба нового со старым. Разумеется, условия бывают разные, они благоприятствуют тем или другим; эти условия придают эпохе свой колорит, но никогда не исчерпы-

вают оттенков жизни. Россия косная существовала и в эпоху декабристов: одних она устраивала, других подавляла, в декабристах же рождала благородный протест и жажду борьбы за обновление родины. Николаевская реакция только усугубила и расширила то, что создавала аракчеевская реакция. Александр неплохо начинал («Он взял Париж, он основал Лицей» [2: II, 247]), да кончил Священным союзом и аракчеевщиной. Аракчеевской реакции противостояло мощное общественное движение, но наберётся и немало акций, разрозненных, менее сплочённых и организованных, но по своему героичных, противостоявших николаевской реакции. Между двумя соседними эпохами, как видим, можно отметить черты сходства и в их плюсах, и в их минусах, но черты сходства не мешают воспринимать эти эпохи контрастными: меняется общественный тонус, иначе расставляются акценты. Что из того, что на формирование личности Онегина оказывает влияние не главная тенденция эпохи, а её побочные тона? Это хуже для репутации героя, но это реальность.

Настаиваю: трагедия «лишних людей» – не только психологическая (хотя и опирающаяся на определённые психологические предпосылки), но прежде всего общественно-идеологическая. Особенно главой «Странствие» Пушкин подчёркивает это и в своем романе.

Итак, нет ошибки в традиционном мнении, что питательная среда типа «лишнего человека» – эпоха после 14 декабря, эпоха торжествующей реакции. С учётом этого времени «дорисовывает» А. С. Пушкин и своего Онегина. Ему не понадобилось для этого хронологически удлинять повествование за 14 декабря. Исторический опыт позволил поэту диалектичнее оценить предшествовавшую эпоху, в ней увидеть противостояние разных тенденций. Вот почему нет натяжек в том, чтобы в «преддекабрьском» Онегине увидеть образ (можно сказать мягче – прообраз) «лишнего человека». Совершенно замечательно, что такой эпитет к герою в белой рукописи восьмой главы Пушкин примерял сам: «Как нечто лишнее стоит» [3: 623].

«Лишние люди» – это герои безвременья.

Пушкин пронизательно-многосторонне сумел осмыслить свою эпоху: вот почему совсем не обязательно ломать онегинский календарь, чтобы увидеть в герое черты «лишнего человека». Общественная пассивность героя вполне объясняется пассивностью общественного сознания, хотя Онегин живет в эпоху, которая нуждается в активных деятелях, вербует их.

Итак, отнюдь не цензура повинна в том, что Онегин не показан в стане декабристов. Художник, обдумывая финал романа, сделал свой выбор. Мотивировка выбора, за отсутствием прямых авторских свидетельств, только гипотетична: может быть, слишком резким оказывался разрыв между начальным «бытовым» Онегиным и Онегиным – историческим человеком, может быть, поэт пронизательно угадал потенциальную важность намечаемого типа для последующей эпохи и не преминул воспользоваться (с поразительной оперативностью!) открывшейся возможностью (тем более что нашёл другие пути для реализации декабристской темы – в печатном тексте романа, посредством «декабристского» звена в своём автопортрете и

авторских размышлений). Наверное, не совсем надо отбрасывать и цензурные опасения. Так или иначе, но жребий был брошен, и авторское решение прочитывается отчётливо: публикуемые «Отрывки из путешествия Онегина» лейтмотивом «тоска!» пророчат герою губительную апатию.

Вполне определённое пушкинское решение, при всём его непререкаемом авторитете, не должно служить препятствием для размышления о степени близости Онегина к декабристам. Цель таких размышлений – не в том, чтобы вычислить процент вероятности участия Онегина в декабристском восстании (практически этот вариант маловероятен), но в том, чтобы лучше понять героя, оценить даже и нереализованные возможности его души. Задача небесполезная, поскольку в итоге мы обязаны понять героя как исторического человека, а это и означает взвесить его на декабристских весах. Совсем не требуется подгонка под утвердительный ответ. Отрицательный (или условный) ответ – тоже результат, и это повод для постановки новых вопросов: почему человек с незаурядными способностями обречён на положение «умной ненужности».

А может быть, натяжка уже в том, что для понимания Онегина используется сама декабристская мерка? Но духовная близость Онегина к декабристам – это и не гипотеза вовсе, а реальность: Онегин на деле принадлежит к кругу околодекабристской молодёжи. Общественное движение эпохи, завершившейся 14 декабря, было широким: оно включало отнюдь не только сотню с небольшим непосредственных участников тайных обществ. «Легальных вольнодумцев» было много больше, и среди них – люди значительные: сам А. С. Пушкин, его друг П. А. Вяземский (названный красноречиво «декабрист без декабря»), А. С. Грибоедов. Онегин – фигура не столь крупная, это тип массовидный, и, тем не менее, это личность незаурядная. Куда он качнётся, что с ним станет – всё это вопросы большой важности: это показатель общественного тонуса.

Отнесение Онегина к околодекабристскому кругу и именование его «лишним человеком» – совместимые ли это определения? Совместимые, если отстраниться от негативного, критического отношения к «лишним людям» как к людям в определённой степени неполноценным. Нет спора, «лишние люди» – тип сложный, но при всех оговорках это тип положительного героя. В «лишних людях» из околодекабристской среды это особенно заметно.

Б. Т. Удодов относительно судьбы Онегина делает такой итоговой вывод: «Сопоставляя начала и концы сложной эволюции героя, мы видим, как из типичного светского аристократа, денди, живущего чисто внешней жизнью по заранее расписанным ритуалам, рождается человек с напряжённой духовной жизнью» [4: 136]. Однако, по мысли исследователя, такой вывод снимает остроту вопроса, мог или не мог Онегин стать декабристом: «Поскольку главное в образе Онегина – его *духовное рождение* как человека, не столь уж, видимо, важно, станет ли он декабристом или нет, ибо не декабрист со временем становится целостным человеком, а лишь сформировавшийся человек мог стать сознательным членом тайного политического

общества, декабристом» [4: 136–137]. Всё, что отсюда идёт в пользу Онегина, – верно. Но в сопоставлении с декабристами для Онегина есть и критический элемент, его нет надобности затушёвывать. Не хочется забывать, что в эпоху создания романа люди из аристократических семей пожертвовали положением в обществе, самой жизнью во имя народа, во имя общественного блага, совершив подвиг нравственного альтруизма. Может быть, это «узко», но это высоко идеально. А. И. Герцен писал о декабристах как о «фаланге героев». Вот какого рода люди – современники нашего литературного героя, вот какой высокой мерой он поверяется.

Нельзя не согласиться с Б. Т. Удодовым: стать декабристом означает, прежде всего, стать человеком. Онегин стал человеком. Если бы он стал декабристом, он стал бы героическим человеком. Он вряд ли войдёт в фалангу героев. Но эта двойственность его положения полностью отвечает двойственности положения «лишних людей»: они поднимаются над стереотипом общества – и не находят форм активного самоопределения. Первый их шаг достоин высокого уважения. Неспособность сделать второй шаг вызывает либо сочувствие, либо порицание (первое, видимо, предпочтительнее). Но двойственность типа не исключает и двойственного к нему отношения.

Современному пушкиноведению «надоело» обращаться к декабристской теме в «Евгении Онегине»: это реакция на перегибы пушкиноведения советской поры. Само отношение ко всяким революциям переменялось, так что и резкие оценки движения декабристов сейчас не новость. Я не вхожу в оценку декабризма как явления, мне интересно только отношение Пушкина к его участникам, а они для поэта, до самого конца, – «друзья, братья, товарищи». Декабристская тема романа в стихах – реальность, и нет оснований её игнорировать.

Онегин – наиболее яркая фигура, подобная персонам размышления Пушкина о непроявленном Наполеоне, не командовавшего даже егерской ротой, или Декарте, не опубликовавшем ни строчки. Но чтобы стало возможным такое изображение, необходима реалистическая полнота и определённая явленность. Нет никакой опоры для размышлений, что случилось потом с Пленником, с Алеко. Декабристский потенциал Онегина – запечатлённая объективность. Несостоявшийся декабрист помог поэту преобразовать в финальных главах роман о современности в *исторический* роман о современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. VII. – 739 с.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Изд. 4-е. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1977–1979. – Т. II. – 400 с.; Т. V. – 527 с.; Т. VI. – 575 с.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. VI. – 691 с.
4. Удодов Б. Т. Пушкин: художественная антропология. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. – 304 с.